

— Цю Чэн с улыбкой бросил в печь охапку хвороста.

— Почём одна штука? — снова спросил старик Фэн.

— Два кукурузных лепёшки за штуку, будешь брать?

Цю Чэн повернулся к нему и улыбнулся.

— Дай-ка взглянуть.

Старик Фэн улыбнулся в ответ, качнул подбородком в сторону Цю Чэна, показывая, чтобы тот занимался своими делами, и не стал отвечать ни «куплю», ни «не куплю».

Вскоре подошли другие покупатели — кто за помидорами, кто за полёвками. Услышав, что здесь жарят воробьёв, несколько человек тоже решили остаться и посмотреть, что к чему. Рабочий день у всех уже закончился, делать по большей части было нечего, а на улице можно и время скоротать, и дома электричество сэкономить.

Вокруг собралась толпка. Когда воробьи подросли, Цю Чэн не стал спрашивать, кто будет покупать, а первым делом снял глиняную корку для А Чана. Стоило разломить глиняный слой, как тут же поплыл аппетитный аромат. А Чан задышал ртом, уплетая мясо: этот воробей оказался ещё вкуснее утреннего, разве что самую малость острый.

Глядя, как А Чан ест мясо, многие зрители начали украдкой сглатывать слюну. Хотя это и выглядело не слишком прилично, но чем нынче питается народ? Либо лепёшками, либо дикими травами. Круглый год почти никому не доводилось отведать мяса, а аромат сычуаньского перца и пряностей люди не чувствовали уже так давно, что устоять перед этим соблазном было просто невозможно.

— Сяо Цю, дай-ка мне парочку, — едва почуяв запах, старик Фэн сбегал к своему прилавку и принёс четыре кукурузные лепёшки.

Этот прижимистый делец был широко известен своей любовью к сынку, но сейчас рядом находились еще и два племянника. Сначала он немного сомневался: всё-таки парни приходились ему племянниками, и если бы на их глазах он позволил родному сыну объедаться в одиночку, это выглядело бы слишком некрасиво. Брать нужно было на всех, а старику Фэну жутко не хотелось тратиться. Однако, прикинув обстановку, он понял: если не купить сейчас, потом ничего не останется, а сын уже сгорает от нетерпения.

— Сейчас сделаю! — Цю Чэн ловко вытащил щипцами из печи двух запечённых воробьёв, завернул их в тряпицу и протянул ему.

— В этом воробье мяса кот наплакал, отдавать за него две лепёшки — слишком дорого. Как

насчёт полутора?

Хоть жаренные воробьи и пахли великолепно, большинство людей всё же жалели отдавать по две лепёшки: зерно нынче было на вес золота. Поэтому, услышав, как кто-то пытается сбить цену, остальные пока помалкивали, решив сначала посмотреть, чем всё закончится.

— Воробьёв знаешь как трудно поймать? — Цю Чэн покачал головой, снижать цену он не собирался. Мяса в такой птичке было всего с полполёвки, зато она была полностью готова и приправлена щедрой порцией специй.

Постоянные клиенты уже успели изучить характер Цю Чэна: выпросить у него какую-нибудь мелочь в придачу ещё было можно, но вот сбить цену —дохлый номер, языком трепать бесполезно.

— Острая!

Тем временем на стороне старика Фэна уже вовсю трапезничали: две птицы поделили между собой старик с сыном и двое племянников.

— Ну как, вкусное? — старик Фэн облизывал пальцы, обращаясь к племянникам.

— Объедение!

Два крепких парня разделили одного воробья и теперь бережно держали свои порции, смакуя каждый малюсенький кусочек.

— Будете с этого дня усердно помогать второму дяде — в обиде не остану разгорячённо пообещал он, раз уж еда была куплена и теперь полагалось расположить к себе молодёжь.

— Знаем! Спасибо, второй дядя!

— Ой, как жжёт!

— Самое то!

— Сколько же мы не ели ничего подобного!

— Пап, и ты поешь.

— Ешьте, ешьте всё.

Налетевший ночной ветерок принёс от них новую волну мясного аромата. У Цю Чэна же оставшиеся три воробья разошлись в мгновение ока — на всех желающих их явно не хватило. Те, кто был не против потратиться, но припозднился, только горько вздыхали, узнав, что всё распродано.

А Чан облилиз губы и посмотрел на опустевшую печь с выражением глубокой неудовлетворённости: всё улетело слишком быстро, он даже не успел дожидаться второго воробья, как торговля закончилась. Завтра же нужно наловить побольше птиц!

Птиц, однако, ловить было не так-то просто, а инструменты они использовали самые примитивные. И хотя А Чан душой болел за дело и хотел добыть побольше добычи, улов всё равно оставался скромным — обычно шесть-семь штук. В неудачные дни получалось и того меньше, а в удачные количество редко превышало десяток.

Жареные воробьи шли на ночном рынке на ура. Не прошло и нескольких дней, как о точке с жареными воробьями узнало чуть ли не всё Город Синьнань. Вкус у них был отменный, и те, кто мог позволить себе такое угощение, каждый вечер к назначенному часу собирались у прилавка Цю Чэна. Стоило новой партии птиц выехать из печи, как её тут же разбирали подчистую, так что заветная мечта А Чана наесться воробьёв от пуза до сих пор оставалась несбыточной.

Сам же Цю Чэн к этому лакомству даже не притрагивался: если в ближайшие месяцы дела пойдут в гору, потом он сможет наесться любых деликатесов досыта, к чему спешить?

Сейчас главным было накопить побольше зерна и прикупить недвижимости. Сначала выкупить пятнадцатый этаж в их доме, а если хватит сил — то и четырнадцатый. Эти два этажа вдобавок к крыше-террасе станут отличной базой для выращивания сельскохозяйственных культур.

Один жареный воробей стоил две кукурузные лепёшки, и только на этом они выручали по вечерам около полутора-двух десятков лепёшек. А если добавить торговлю полёвками и помидорами, общая выручка за вечер составляла несколько десятков лепёшек.

С наступлением потепления Цю Чэн опасался, что лепёшки испортятся, поэтому теперь каждую ночь после закрытия лавки менял заработанные за день лепёшки на кукурузную муку у старика Фэна, оставляя лишь парочку про запас на еду себе и А Чану. Из-за того, что объёмы обмена были большими и происходили регулярно, старик Фэн отпускал муку по выгодному курсу: пять цзиней и семь лян за лепёшки.

У прилавка старика Фэна Цю Чэн то и дело видел людей, которые приносили лепёшки, чтобы обменять на муку, а вот обратных случаев почти не наблюдалось — замешивать дома муку и выпекать лепёшки самостоятельно было всё же выгоднее, чем менять готовый продукт на рынке.

Однажды Цю Чэн поинтересовался у старика Фэна, куда тот деваает все эти собранные лепёшки, но старик лишь загадочно улыбнулся и ответил, что у него свои каналы.

Цю Чэн и сам догадывался: вряд ли дело ограничивалось простой перепродажей муки. В нынешнем Городе Синьнань, да и по всей стране и даже во всём мире, под обманчиво спокойной поверхностью бурлили скрытые течения, а влиятельные силы пожирали друг друга.

Когда этот мир вновь обретёт порядок, он уже ни капли не будет похож на тот, что существовал пять лет назад. На телеэкранах и в газетах появятся новые лица, а многие прежние властители дум бесследно сгинут. Вспышка вируса Икс и выпавшие на долю людей испытания принесли большинству лишь лишения и отчаяние, но для горстки избранных это стало шансом.

Для самого Цю Чэна — тоже. С того самого момента, как он заполучил «Записки о культивации древесины», ему выпала возможность сколотить состояние на общей беде, и то, насколько далеко он сможет пойти, зависело исключительно от его собственных усилий.

Цю Чэн никогда не помышлял наживаться на чужих страданиях, но раз уж эти беды породил не он, то и терзаться угрызениями совести он не собирался.

И всё же, оставляя в стороне незнакомцев, смотреть на то, как бедствует его бывший сокурсник по университету, было тяжело — сердце всё-таки сжималось от жалости. Впрочем, после того самого первого помидора, подаренного при встрече, Цю Чэн больше не делал никаких подарков. Он хотел помочь старому знакомому, но даром преподносить добро не собирался.

В последнее время Цю Чэн краем глаза приглядывался к торговым делам Ван Чэнляна. Шли они из рук вон плохо: в день удавалось продать от силы три-четыре печи, а порой и того меньше — одну-две, а то и вовсе ни одной. С такими доходами было не прокормить даже самого продавца, не говоря уже о затратах на материалы и ручной труд, уходивших на изготовление печей.

Покончив с торговлей и оставив несколько лепёшек, а остальные переведя в муку, Цю Чэн направился к прилавку Ван Чэнляна.

— Снова за печами пришёл?

Было около девяти вечера, на ночном рынке всю кипела жизнь. Ван Чэнлян не спал, и едва завидев Цю Чэна, с улыбкой окликнул его с шутливым подтекстом.

— Зачем мне столько печей? — усмехнулся Цю Чэн. — Мне тут каменная мельница понадобилась. Твой второй брат сможет такую сделать?

Когда они ещё учились вместе, многие в группе были единственными детьми в семье, а у тех, у кого были братья или сестры, — максимум один-два. В те времена иметь троих детей считалось пределом, а четверо, как в семье Ван Чэнляна, выглядели настоящей редкостью, поэтому в общегитии эту тему не раз обсуждали.

Ван Чэнлянь был парнем простодушным и рассказывал всё, о чём спрашивали, совсем не умея лукавить или уваливать. Тогда он выдал не только кем работают его старший и второй братья, но даже точный возраст родителей.

Несколько дней назад, когда Цю Чэн покупал печи, Ван Чэнлянь обмолвился, что старший брат промышляет скупкой металлолома, и Цю Чэн автоматически вспомнил, что второй, кажется, крутился среди каменщиков.

Как раз в эти дни они высушили урожай кукурузы, а перерабатывать её в муку было негде. Конечно, раздобыть дробилку или что-то в этом роде казалось не слишком сложной задачей, но электроэнергия! А Чан числился неизвестно кем и не получал положенные пять киловатт-часов в месяц — электричество выделялось только на долю Цю Чэна, и этого крошечного лимита едва хватало на освещение.

Вот тогда-то Цю Чэну и пришла в голову идея обзавестись ручной каменной мельницей. С ней он смог бы молоть муку прямо дома, а заодно подкинул бы заработок старому сокурснику.

— Каменная мельница? Сделать-то можно, только зачем она тебе? — Ван Чэнлянь озадаченно похлопал глазами.

— Раз покупаю, значит, нужна. Сколько кукурузных лепёшек запросит твой второй брат за работу? — прямо спросил Цю Чэн.

— Смотря какой размер тебе нужен.

Мельницы ведь бывают разными: гигантские весят по несколько сотен цзиней, а те, что поменьше — всего несколько десятков. Разница огромная.

— Не совсем крошечную. Чтобы осилила сухие бобы и кукурузные зёрна.

— Тогда с тебя пять лепёшек. Завтра утром, когда отец придёт принести мне еды, я передам ему.

Ван Чэнлянь даже не стал заикаться о том, что нужно посоветоваться с родными, и сразу назвал цену.

— Пять лепёшек — не мало? Одна только плита из синего камня стоит приличных денег, — засомневался Цю Чэн.

— Какой там синий камень в наши дни, какая у него цена? У нас семья большая, электричества выделяют больше, так что с электроинструментом он её быстро сработает, пять лепёшек — это вполне честная цена.

— Ладно. Держи две лепёшки в качестве задатка, а остальные три отдам, когда заберу готовую мельницу, — сказал Цю Чэн и протянул ему две лепёшки.

— Тебе к спеху? — спросил Ван Чэнлянь, забирая еду.

— Нет, не горит, делайте не спеша. Цю Чэн махнул рукой.

Вернувшись домой, Цю Чэн по привычке подкормил посеvy жидким удобрением. Судя по прежнему опыту и результатам выращивания на временной базе, он подсчитал, что созданный им Массив Сбора Духов сокращал цикл созревания растений примерно в восемь-десять раз.

Цифра эта была приблизительной: рост культур зависел и от других факторов. Например, та же кукуруза из-за нехватки света развивалась медленнее остальных растений, даже несмотря на избыток духовной энергии.

Впрочем, всё это касалось лишь растительного мира, тогда как на животных духовная энергия дейвала куда слабее.

Сам Цю Чэн целыми днями находился внутри массива, но даже занимаясь культивацией, не замечал в своём теле никаких сногшибательных перемен. То же самое касалось и полёвок: разве что шерсть стала лосниться да вид сделался более бодрым, но никакого стремительного роста или мутаций не наблюдалось.

Мысленно прикинув сроки, Цю Чэн пришёл к выводу, что вскоре подоспеет второй урожай картофеля, и надеялся, что он окажется удачным.

Поднявшись с пятнадцатого этажа, он обнаружил, что А Чан не ушёл ловить полёвок, а свернулся калачиком на постели. Ругать его Цю Чэн не стал, а просто уселся на одеяние в позе лотоса и погрузился в медитацию. Он понимал, что охотиться на грызунов с каждым днём становится всё труднее: окрестности Города Синьнань исходили вдоль и поперёк, и на ночном рынке помимо них промышляли и другие торговцы. Спасало лишь то, что товар Цю Чэна отличался завидным постоянством, а щедрые добавки к покупке позволяли удерживать клиентуру.

Но добыча давалась с боем, порой А Чан возвращался лишь под утро, еле волоча ноги с одной-единственной мышкой в лапе, отчего неизбежно падал духом, и прежний авантюризм уступал место апатии.

Подгонять его Цю Чэн не видел смысла: и крыши, и воробьи были лишь временным костылём. Как только удастся выкупить достаточно площадей под посеvy, ситуация выровняется сама собой.

Пока Цю Чэн сидел в медитации, А Чан дремал рядом. Этот парень умел не только ловить птиц

и мышей, но и урчать совсем по-кошачьи.

Сладко посапывая, он неумолимо сдвигался всё ближе и ближе к Цю Чэну. Сделав на кровати плавный кувырок, он замер на спине, уставившись круглыми глазами на чужие руки, безвольно лежавшие на коленях — от чуть выступающих костяшек пальцев до длинных изящных фаланг и розоватых ногтей...

Засмотревшись, А Чан чуть приподнял голову, качнул вбок затылком, принялся и легонько коснулся кожи кончиком языка.

Пальцы Цю Чэна судорожно дёрнулись.

А Чан мгновенно скатился обратно на матрас и затянул своё мурлыканье с удвоенной силой, исподлобья приоткрывая один глаз, чтобы проследить за реакцией.

На следующее утро, проснувшись, Цю Чэн обнаружил, что во второй половине ночи А Чан всё же выскользнул наружу и принёс трёх полёвок — двух крупных и одну крошечную. Крупных планировалось вечером выставить на продажу, а малышку оставили жить в клетке.

Едва они прибыли на ночной рынок, в глаза бросилась странная тишина: сегодня людской поток казался куда жиже обычного. Докатив тележку до своего места, они не увидели привычных ожидающих покупателей, а заглянув на соседний прилавок, обнаружили там лишь сыновей старика Фэна и племянников — самого хозяина нигде не было.

— А где ваш отец? — спросил Цю Чэн у сына старика Фэна.

— Убежал смотреть на представление, говорят, на том перекрёстке живую птицу привезли на продажу, — ответил Фэн Чжэньсинь.

— Живую птицу? — Цю Чэн изумился. Он уже давным-давно не видел живых кур.

На временной базе в Городе Синьнань поначалу тоже разводили птицу и скот, но потом начался такой голод из-за дефицита зерна, что после нескольких смертей от истощения поднялась волна протестов, и со временем разговоры о животноводстве сошли на нет. Было ли что-то втайне от остальных — неизвестно, но во всяком случае официально об этом больше не упоминали.

— Хозяин, заверни помидор?

У прилавка нарисовался постоянный покупатель.

Цю Чэн живо разложил товар: помидоры, зелёный лук, лук-порей, острый перец.

— Сегодня снова воробьи на углях? — выбирая овощи, поинтересовался клиент.

— Будут, — бросил Цю Чэн, снобдя замесом глины, и тут же перевёл разговор: — Говорят, на том конце кто-то живых кур продаёт?

— И не говори, я как раз оттуда иду.

— Откуда их привезли-то?

— С севера. Глянешь на этих мужиков — плечистые, рослые, сразу видно, северяне.

На фоне жителей центральных равнин уроженцы севера и вправду выглядели куда крепче.

— А почему живая птица?

У Цю Чэна ёкнуло сердце: неплохо было бы прикупить парочку несушек ради яиц.

— Дорого, жуть как дорого. За один цзинь живой птицы просят три цзиня кукурузной муки, бессовестные! А в этой курице на вид не меньше шести-семи цзиней будет, считай, под два десятка цзиней муки уйдёт! Будь у меня столько муки, я бы лучше жильё купил.

Почти два десятка цзиней муки — это несколько десятков кукурузных лепёшек. По нынешним меркам Города Синьнань желающие нашлись бы, но единицы, и Цю Чэн сразу отмёл эту затею.

Пока они торговали, мимо то и дело проносились зеваки, возвращавшиеся с перекрёстка: разговоров было море, но ни одного человека с покупкой в руках замечено не было. Впрочем, телега с живой птицей стояла ближе к центру города, так что даже если кто-то и раскошелится, вряд ли потащил бы курицу гулять по ночному рынку — наверняка сначала отвели домой.

— Эй, А Чан, опять воробья уплетаешь?

Старик Фэн, вернувшись после зевакомённого похода, заметил пристроившегося у дверей соседнего магазина А Чана и решил подшутить над ним.

Этот парень с явными странностями в голове каждую ночь съедал по воробью, в то время как собственному сыну старика оставалось лишь облизываться. Старика Фэна порой переполняла чёрная зависть: с одной стороны, он досадовал на невиданное везение дурачка, с другой — злился на собственную бедность.

А Чан лишь лениво приподнял веки, бросил на него косой взгляд и продолжил трапезу, не

удостоив соседа ответом. Он уже усвоил: как ни спеши, а скорость, с которой Цю Чэн сбывал товар, ему не перегнать, поэтому перестал суетиться. Получив свою порцию, он просто уходил в сторонку и смаковал мясо не спеша.

— Тьфу, сколько там в этом воробье мяса! То ли дело жареная курица! Вот это тушка — один кусок жирнее другого, шкурка румяная, шкворчит... Тьфу! Вот это аромат! — старик Фэн принялся размахивать руками, расписывая деликатес во всей красе.

А Чан уже прикончил своего воробья. Порция была мизерной и аппетит только раздражила, а услышав описание такой огромной курицы, он невольно задохнулся от зависти и тут же повернул голову к Цю Чэну.

— Сейчас не можем, потом куплю, — Цю Чэн пожалел муку и не собирался транжирить её на покупку целой курицы — впереди маячили куда более важные траты на недвижимость.

— Хе!

А Чан отходил легко: услышав обещание, он радостно осклабился.

— Потом? Когда это «потом» настанет? В наш город редко завозят живую птицу, в другой раз чёрт знает когда подвернётся возможность, а там глядишь — сколько муки ни неси, а купить будет не у кого. А Чан, они стоят прямо на том углу, не веришь — сходи проверь! — продолжал подначивать старик Фэн.

А Чан снова перевёл взгляд на Цю Чэна, в его глазах отчётливо читалось ожидание.

— Ладно, закроем лавку — сходим вместе, глянем одним глазом, — пообещал Цю Чэн.

— Купили бы одну на пробу! Торговля у вас прёт, неужто на курицу пожалели? — не унимался старик Фэн.

— Надо учитывать расходы, — неизменно отбивался Цю Чэн каждый раз, когда кто-то заводил шарманку о его мнимых богатствах.

Поболтав ещё немного, старик Фэн заметил клиента у своего прилавка и поспешил обратно к делам.

А Чана эта затея зацепила не на шутку: весь оставшийся вечер его взгляд то и дело устремлялся в сторону воображаемой «жареной курицы». Раз уж Цю Чэн пообещал заглянуть туда после закрытия, парню не терпелось поскорее распродать остатки овощей. Он то перебегал на левый фланг тележки, то маячил справа, без конца кружа вокруг Цю Чэна.

Наконец около девяти вечера Цю Чэн отпустил последний помидор. Вдвоём они нагрузили трёхколёсный велосипед и направились к указанному перекрёстку. А Чан семенил рядом, широко распахнув глаза и наострив уши — нужный запах они уловили быстрее, чем ожидали.

<http://bllate.org/book/21998/2286878>